

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Л. Н. Фурсова. Иммиграция и национальное развитие Канады. 1946—1970 гг. М., 1975, 440 стр.

Книга Л. Н. Фурсовой достойно продолжает успешно начатую Институтом этнографии АН СССР серию работ по Канаде, в которой прежде всего следует отметить монографию М. Я. Берзиной и коллективную работу, посвященную национальным проблемам Канады¹. Рецензируемая книга представляется примечательной во многих отношениях. Она является первой обобщающей работой, специально посвященной проблемам послевоенной иммиграции в Канаду. Труд Л. Н. Фурсовой привлекает внимание к роли иммиграции в развитии старых переселенческих стран. В свое время истории и этнографы немало занимались этой проблемой применительно к XIX и первым десятилетиям XX в., периоду наиболее массового заселения таких стран, как Канада, Австралия и США. Многие работы по проблемам иммиграции, появившиеся в последнее десятилетие, посвящены преимущественно роли международных перемещений рабочей силы в капиталистическом хозяйстве или связанным с иммиграцией социально-классовым и чисто этническим проблемам.

Однако в научной литературе мало всесторонних исследований новых, весьма специфических изменений в характере иммиграции в Канаду, являющуюся в настоящее время по существу самой крупной страной, где переселенческие движения сохранили весьма значительные масштабы.

Труд Л. Н. Фурсовой восполняет этот пробел. Книга при своей этнографической направленности является комплексной, многоплановой работой, что, безусловно, повышает ее научную ценность и расширяет круг читателей. Автор показал огромную роль иммиграции в формировании населения и социально-экономическом развитии Канады. В книге выявлен ряд аспектов роли иммиграции в жизни Канады, имеющих большое научно-теоретическое и политическое значение.

Автор обосновывает положение, что массовый приток иммигрантов является одним из основных факторов, обусловивших высокие темпы индустриализации Канады. Таким образом, можно сказать, что крупные сдвиги в экономическом развитии Канады во многом достигнуты, в прямом и косвенном смысле, за счет эксплуатации широких слоев иммигрантов, т. е. трудящихся, недавно прибывших из разных стран. Этот тезис недостаточно освещен в советских работах по Канаде, а между тем он подчеркивает империалистическую сущность развития канадского буржуазного государства. Книга Л. Н. Фурсовой убеждает, что без исследования проблем иммиграции невозможно понять ни одну из важных проблем современной Канады.

Другой вытекающий из работы Л. Н. Фурсовой важный вывод состоит в том, что политика любого буржуазного государства, в данном случае Канады, в отношении иммигрантов в конечном счете носит в той или иной мере националистический характер, пусть даже скрытый, что зависит от социально-экономической и партийно-политической конъюнктуры.

Автор показал далее, что в условиях капиталистического государства невозможно полностью урегулировать межэтнические противоречия и создать единую многонациональную общность. Канадские правительственные органы оказались в целом неспособными проводить достаточно эффективную (с точки зрения целей буржуазного государства) иммиграционную политику.

Наряду с этим, на мой взгляд, генеральными проблемами, значение которых выходит за пределы Канады, в книге дан анализ ряда специфически канадских вопросов, которые весьма важны для понимания путей и проблем развития этой страны.

Л. Н. Фурсова последовательно идет от анализа предпосылок и причин миграций, иммиграционных политики и законодательства к характеристике динамики и национального состава иммиграции, взаимозависимости иммиграции и роста населения, и наконец, к анализу расселения, социального и профессионального состава иммигрантов, а также к связи иммиграции с этническими процессами. Такая структура исследования позволила автору достаточно полно показать практически все важнейшие грани иммиграционной проблемы.

Особо нужно отметить стремление автора выявить тесную и весьма сложную связь собственно этнических процессов с социально-экономическими и политическими (как внутреннего, так и внешнего порядка) факторами, эта весьма важная часть этнографических работ у Л. Н. Фурсовой выражена очень четко. Указанная проблематика рассматривается в основном в первой главе и хорошо прослеживается по всей работе Л. Н. Фурсовой удалось показать сложный, диалектический характер взаимосвязи экономики и иммиграции: с одной стороны, первая прямо воздействует на

¹ М. Я. Берзина. Формирование этнического состава населения Канады (этноста- тистическое исследование). М., 1971; «Национальные проблемы Канады» (отв. ред. Ю. П. Аверкиев). М., 1972.

масштабы и характер второй, с другой — иммиграция сама по себе оказывает влияние на темпы и масштабы экономического развития. В книге, например, выявлено, как изменения в структуре хозяйства Канады, характере ее индустриализации влияют на иммиграционную политику государства, подчас заставляя правящие круги несколько отходить от некоторых устоявшихся, традиционных принципов.

Многоплановость исследования сделала книгу весьма ценной и для познания общих вопросов развития Канады, таких, как экономический рост, внешнеполитическая ориентация на разных этапах послевоенного периода, урбанизация, разорение фермерства, усиление классовой поляризации канадского общества, рост безработицы, разгул расизма и национальной дискриминации.

Как показывает автор, иммиграция оказала огромное воздействие на демографическое развитие Канады. За 25 лет, с 1946 по 1970 г., в страну прибыло 3,5 млн. переселенцев (по переписи 1971 г. в Канаде проживает 21 млн. человек). За этот период иммиграция, по подсчетам автора, давала до 1/3 всего прироста населения. В книге показано не только влияние иммиграции на численный рост населения, на его половозрастную структуру, но и на национальный состав страны. Читатель узнает о тех изменениях, которые внес многонациональный, разноязычный приток новых переселенцев в этнический баланс Канады. Иммиграция привела к пополнению исхони сложившихся, «старых», и к численному росту «новых» этнических групп, например итальянцев. В целом она усилила национальную пестроту Канады.

Рассказывая о расселении иммигрантов, Л. Н. Фурсова делает важный вывод: приток новых переселенцев способствовал ускорению темпов урбанизации Канады. Для иммигрантов характерен более высокий уровень урбанизации, чем для рожденных в Канаде жителей страны (87% против 76% в 1961 г.).

Велик вклад переселенцев в экономику страны. Послевоенные иммигранты значительно увеличили самодеятельное население, дав свыше 70% прироста рабочей силы. Вместе с тем в книге убедительно разоблачается распространенный в буржуазной печати миф о «легкости» жизни иммигрантов на чужбине. Иммигранты более чем другие группы населения Канады страдают от расовой и национальной дискриминации, прежде всего в сфере занятости. Справедливо подчеркивается, что наибольшей дискриминации подвергаются «цветные». У новых переселенцев в большей мере, чем у старожилов страны, национальное происхождение обуславливает социальный статус и занятость.

Треть работы посвящена исследованию влияния вновь прибывшего населения на этнические процессы канадского общества в целом и его отдельных разноязычных групп. Здесь автор обращает особое внимание на анализ условий, характера и темпов интеграции и ассимиляции иммигрантской массы. В этом отношении как материал книги, так и методика его анализа представляют, как мне кажется, несомненный интерес для изучения подобных процессов в других странах переселенческого типа. Автор исследует такие проблемы, как изменение языка и переход к двуязычию, роль церкви, значение смешанных браков, борьбу против дискриминации и бесправия, рост национального самосознания, формирование этнических общественно-политических организаций и др. Исследование этих проблем, и без того трудное, осложняется особыми условиями Канады и ее населения, прежде всего наличием двух противостоящих друг другу наций — англоканадской и франкоканадской.

Закономерно поэтому, что одной из узловых проблем книги является франкоканадская проблема, пожалуй, самая острая внутренняя политическая проблема Канады. Л. Н. Фурсова глубоко проанализировала различные стороны этой проблемы — от исторических причин и характера движения франкоканадцев до недавних «языковых» беспорядков в Монреале. В книге характеризуется позиция Коммунистической партии Канады в этом вопросе.

Остры и злободневны страницы, где говорится о национальном самосознании канадцев, которое растет в связи с угрозой экономической и политической независимости страны со стороны США, угрозой потери самобытности духовной жизни, ее «американизации».

Фундаментальности и многоплановости работы способствовал весьма обширный круг источников и литературы. Это и документы Коммунистической партии Канады, и переписи за ряд лет, и стенограммы заседаний канадского парламента, и документы правительственных ведомств Канады, и десятки монографий, журналы и газеты (газеты — за 20 лет; просмотр одной только «Globe and Mail» за этот период — сам по себе колоссальный труд). При этом читателя привлекает глубокий анализ автором использованных материалов, отличное владение методом научной полемики. Книгу отличают незаурядные литературные качества, читается она легко и приятно. Особенно ярко и живо написаны страницы о жизни и быте многонациональных городов Канады, чему, вероятно, немало способствовали личные впечатления автора во время поездки в страну. К книге приложены интересные иллюстрации.

Разумеется, как в любой крупной многоплановой работе, в книге Л. Н. Фурсовой можно усмотреть отдельные промахи, недочеты. Но это детали, на которые после сказанного выше не очень хочется обращать внимание. В большинстве случаев они носят или частный характер, или представляют собой скорее не оценку сделанного, а сожаление о том, что не сделано. К примеру, жаль, что в главе об этническом составе нет характеристики скандинавов, а они часто играют заметную роль в жизни Канады.

Может быть, стоило бы более глубоко проанализировать региональный аспект всей проблемы «Иммиграция и социально-экономическое развитие страны». Этот аспект интересен не только сам по себе, он помог бы раскрыть некоторые дополнительные черты в характеристике многогранных связей процесса иммиграции с экономико-географическими, демографическими, хозяйственными процессами в Канаде в целом. Можно пожалеть об отсутствии в книге указателей — предметных и авторских. Пользуясь случаем отметить, что это, к сожалению, недостаток многих наших научных изданий.

В заключение остается лишь сказать, что советское канадоведение получило ценный труд по одной из важнейших, до сих пор слабо исследованной проблеме развития Канады.

Г. А. Агранат

Mercedes de la Garza. La conciencia histórica de los antiguos Mayas. Universidad Nacional Autónoma de México, Centro de estudios mayas, (serie cuaderno 11). México, 1975, 130 p.+bibl.

Рецензируемая работа посвящена исследованию исторического знания у древних майя в классический, послеклассический и первые десятилетия колониального периода. Однако, и это является привлекательной чертой работы, автор стремился показать майя в тесной и действительно реальной связи со всеми остальными месоамериканскими народами.

Автор анализирует представления исторического характера у таких народов Месоамерики как ацтеки, тараски, сапотекы, тотонаки, миштеки. У них в доколониальный период существовал и всячески культивировался интерес к важнейшим событиям собственной истории, что, по утверждению М. де ла Гарса, способствовало формированию чувства единства и общности судьбы у каждого из этих народов. Интерес к событиям прошлого проявляли еще ольмеки, самый древний из центральноамериканских народов, с именем которого связывается изобретение иероглифического письма, календаря и некоторых основных принципов в архитектуре, искусстве, религии и мифологии, ставших определяющими во всем районе.

В своем исследовании исторического знания собственно у майя М. де ла Гарса основывается на источниках трех видов. Во-первых, в книге анализируются памятники письма майя доколониального периода: кодексы, надписи на стелах, притолоках зданий и т. п. Во-вторых, использованы исторические хроники и кодексы колониального периода как европейского, так и индейского происхождения. В-третьих, автор рассматривает ряд памятников искусства майя, в которых порой с удивительной живостью и конкретностью изображается человек.

До недавнего времени считалось, что сохранившиеся иероглифические надписи майя являются только календарными датами, записями течения астрономического времени. Последователями сторонниками этого мнения были С. Морли и до некоторого периода времени Э. Д. С. Томпсон. Однако с появлением работ Г. Берлина, Т. Проксураковой, Г. Келли и А. Рус Луиллера положение в этом вопросе изменилось. Названные исследователи показали, что надписи майя на стелах и притолоках классического и послеклассического периодов отражают не только события религиозного, астрономического и хронологического характера, но и, возможно, регистрируют важнейшие моменты жизни выдающихся людей: рождение, бракосочетание, престолонаследие, завоевания и т. п. Изображения и надписи в Храме Надписей Паленке явно имеют исторический характер. Фрески Бонампака — выдающиеся образцы живописи майя, являются ценнейшими свидетельствами исторического видения человека.

Таким образом, судя по памятникам искусства, где изображен человек, и по характеру надписей, их сопровождающих, можно предположить, что для майя человек существовал в своем собственном измерении, которое является историческим измерением. Иными словами, у них, как и у других месоамериканских народов, не было чисто астрономического знания самого по себе; оно тесно связывалось с человеческой жизнью. Майя, как и другие центральноамериканские народы, рассматривали жизнь мира циклически: они считали, что прошлое возвращается в соответствии с порядком следования времени, установленным жрецами-астрономами. Поэтому сведения о свершившихся событиях сохранялись и передавались потомкам не только для того, чтобы уведомить их о случившемся, но и для того, чтобы они могли по возможности изменить или предотвратить те несчастья, которые должны были, согласно их представлениям, повториться в будущем по закону цикличности.

Записи, связанные с событиями человеческой истории, передавались и с помощью кодексов, которые в большом количестве создавались специально обученными для этого людьми из жреческого сословия. И хотя кодексы были доступны и понятны только верхушке общества древних майя, народу также сообщались исторические сведения во время религиозных церемоний.

Из сохранившихся доиспанских кодексов майя М. де ла Гарса назвала три: Дрезденскую, Мадридскую и Парижскую рукописи. Однако известна еще и четвертая, так